

«рот кривила судорога». Во время обморока: «Рот – разодрало вкось, рот пополз в сторону, вбок, мир опрокинулся и так, – опрокинутый острями гор вниз, – перед глазами и поплыл» [4, с. 92]. Рот заключает в себе все жизненные силы. Лишившись возможности пить, героиня не может даже молиться, поскольку пение и есть для неё молитва.

Рот способен жить самостоятельной жизнью, поскольку онтологическая проблема существования полностью принадлежит ему: «А вот ежели Господь призовет нас к себе? Сейчас же! Всех и сразу? Он кого же увидит? Рты, одни рты!» [4, с. 97]. Это, возможно, помыслить, потому что рот перетягивает на себя не только всю жизнь человека, но и надежду на спасение: «И нет кроме рта у человека ничего: ни духа, ни тела» [4, с. 97].

Рот в тексте – символический заместитель живого тела, претендующий на более полное замещение. Как пишет А. Большакова, данный символ в тексте также «реализует свою «оборотную» сторону (разрушительную, всепоглощаю-

щую функцию – ведь это и символ жадности, не только дыхания жизни)» [5, с. 19].

В итоге, рот приравнивается автором к бессмертному духу: «Дух был тверд. Дух был – рот» [4, с. 100]. Таким образом, исходный смысл «жажды жизни и сопротивления смерти» материализовавшись в конкретном образе-символе, побеждает неизбежный распад существования: «Рот её чуть дернулся: всё начиналось заново, смерти не было» [4, с. 100]. Итак, мы видим, что в данном рассказе рот проецирует на себя все функции живого тела и решает онтологическую проблему его бытийной конечности.

Прозу Б. Евсеева отличает изобилие онтологических двойников, в качестве которых выступают инструменты, отдельные приёмы, животные, вещи, части и функции тела, имена, а также другие герои. Таким образом, судьба персонажа и онтологический вопрос о его бытийной конечности проецируется на какую-либо вещь, фактуру или же тело.

Библиографический список

1. Карасев, Л.В. Вещество литературы. – М., 2001.
2. Евсеев, Б.Т. Евстигней: роман-версия. – М., 2010.
3. Евсеев, Б.Т. Романчик: некоторые подробности мелкой скрипичной техники. Роман. – М., 2005.
4. Евсеев, Б.Т. Баран. Рассказы и повесть. – М. – 2001.
5. Большакова, А.Ю. Феноменология литературного письма. О прозе Бориса Евсеева. – М., 2004.

Bibliography

1. Karasev, L.V. Veshchestvo literaturih. – M., 2001.
2. Evseev, B.T. Evstigney: roman-versiya. – M., 2010.
3. Evseev, B.T. Romanchik: nekotorihe podrobnosti melkoy skripichnoy tekhniki. Roman. – M., 2005.
4. Evseev, B.T. Baran. Rasskazih i povestj. – M. – 2001.
5. Bolshakova, A.Yu. Fenomenologiya literaturnogo pisjma. O proze Borisa Evseeva. – M., 2004.

Статья поступила в редакцию 20.05.13

УДК 811.512.31

Chimitdorzhieva G.N. IMAGES OF RAIN IN THE BURYAT LANGUAGE. The analysis of figurative component of the concept *rain* is presented in the article as realities of linguistic and extra-linguistic contexts on the basis of entries of the Buryat language.

Key words: Buryat language, lexic, semantics, concept, image, metaphorization.

Г.Н. Чимитдоржиева, канд. филол. наук, помощник директора по международным связям Федерального гос. бюджетного учреждения науки Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, E-mail: ch.gunsema@gmail.com

ОБРАЗЫ ДОЖДЯ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье представлен анализ образной составляющей понятия *дождь* как реалии лингвистического и экстра-лингвистического порядка на основе словарных статей бурятского языка.

Ключевые слова: бурятский язык, лексика, семантика, концепт, образ, метафоризация.

При исследовании языка всегда большой интерес представляет изучение лексико-семантических групп и тематических разделов лексики, относящихся к различным сторонам жизнедеятельности народов. Современные лингвисты активнее стали анализировать представления человека о мире в рамках лингвокультурологических и когнитивных исследований. В последнее время в бурятском языкознании также уделяют большое внимание данным лингвистическим направлениям.

Исследование лексики по семантическим разрядам предполагает широкий охват единиц словарного состава языка, что позволяет сопоставлять и сравнивать семантически близкие слова, выявлять круг диалектных и наречных слов. Некоторые лексико-семантические разряды современного бурятского языка довольно хорошо представлены в исследованиях лингвистов (названия животных, термины традиционного хозяйства, буддийские термины, обрядовая лексика, цветообозначения, наименования одежды, термины, обозначающие пространство и время, орографические термины и т.д.). Однако в бурятском языкознании имеются совершенно малоизученные, а то и не изученные лексико-семантические разряды слов. К такой категории относится метеорологическая лексика бурятского языка. Люди с древнейших времен вели свои наблюдения за явлениями природы,

что было жизненно необходимой составляющей их как части самой природы. Для бурятского народа природа, окружающая среда и, конечно же, погодные условия были важной составляющей их жизнедеятельности, как части традиционной кочевой культуры монголоязычного этноса.

Картина мира каждого народа находит свое выражение в языке, его структуре, ассоциациях, оценочных представлениях. Исследование и описание любой культуры с помощью ключевых слов языка, обслуживающего данную культуру, позволит раскрыть и представить ценности и этноспецифические особенности лингвокультурного сообщества [1].

Структурирование лексико-семантической группы слов, обозначающих погодные явления, является дискуссионной, нет единой точки зрения на ее состав и границы. Это очень богатый пласт слов, содержит большое число номинаций. Из их числа в нашей статье мы попытаемся представить анализ состава и структуры одного из них – понятия *дождь* на основе словарных статей [2; 3]. На наш взгляд, данный языковой концепт, обозначающий конкретное явление реальной действительности, представляет не меньший интерес как явление, которое в традиционном сознании выступает частью *неба* – одного из крупных концептов монгольских народов.

Концепт отражает когнитивную связь между человеком и познаваемым им миром. Образный и вербальный тип мышления человека позволяют осмыслить понятие концепта, включающей в себя информацию и представление о мире, которые хранятся в культуре народов в виде понятий и образов. Потому изучение и осмысление концептов как когнитивных категорий многоаспектны, усложняется составление целостного представления об отдельных концептах, и все это представляет собой интерес для лингвистов. Мы рассмотрим здесь некоторую образную составляющую концепта *дождь* как реалии не только лингвистического, но и экстралингвистического порядка.

В бурятском языке есть несколько лексем, обозначающих понятие *дождь*, среди которых общее нейтральное значение чаще всего передают *бороо* и *хура* и их парное сочетание *бороо хура*, *хура бороо(н)*. Только в эхиритском говоре бурятского языка *бороон* представляет длительный характер метеонима «затяжной дождь; ненастье». Реже применяются другие слова в отношении атмосферного явления *дождь*: *нойтон* от значения «влажный, сырой, мокрый; сырость» (напр., *нойто орохонь ха* «кажется, будет дождь»), *бороо нойтон* «дожди, ненастье», *шийг нойтон* «сырость; осадки (дождь, снег)», *уһа бороо* «дожди, дождь».

Зрительный образ дождя соотносится с синонимом *аадар* «ливень, проливной дождь», с его парным сочетанием *аадар бороо* «ливень, проливной дождь; гроза», в которых содержится визуальное отличие от общего значения, что характеризуется такими признаками как значительная динамика и сила, а также большое количество. Определения *уһа адхама* «проливной» > *уһа адха* «лить, проливать» и *нэбтэрмэ* «проницаемый, промокаемый» > *нэбтэр* «проходить насквозь, просачиваться, впитываться; промокать насквозь» в сочетаниях *уһа адхама бороо* и *нэбтэрмэ бороо* «проливной дождь» также указывают на обильное выпадение осадка. Эти признаки имеются и в словосочетаниях *мүндэртэй шанга бороон* «сильный дождь с градом», *хара бороо* «сильный дождь; самый разгар дождя». В последнем словосочетании применяется цветовая ассоциация дождя (*хара* «черный, темный»), которая, несмотря на обыденное восприятие воды как вещества, не имеющего цвета, используется при описании типа дождя, и тем самым усиливает его признаки, означая, что это такой силы дождь, что от его плотной завесы темно становится на улице. Фразеологический оборот *хура (бороо) хуулга хабаар (или хүнзэгөөр) адхаһандал (или адхаһан шэнги) орожо байна* схож с его русским эквивалентом «дождь льёт как из ведра» > «идёт проливной дождь» (*хуулга* «ведро», *хаба* «жбан; посуда», *хүнзэг* «деревянная бадья, ведро»).

К этой группе также можно отнести и сочетания слов с признаком, выражающим одновременно и силу, и интенсивность падения дождевых капель: *шабаданги бороо* «усилившийся, хлесткий дождь» от *шабаданги* «кучный, усилившийся» (> *шабада* «усиленно делать что-л.») и *шэмэрүүн бороо* «хлесткий дождь» от *шэмэрүүн* «студеный, холодный», *шаа-яма бороо* «шумный дождь» от *шаа-яма* «шумный» (> *шаа-я* «шуметь (о воде)»). Звуковой и тактильный образы, скрытые в словах-определениях, метафорично передают динамичность и силу дождя.

Слова с уменьшительной семантикой «дождик, дождичек, мелкий дождь, морось» имеют противоположные предыдущим характеристики: незначительная динамика и сила, и малое количество, однако по числу номинаций превышают группу слов описанную выше. Выражение данного признака происходит разными способами. Например, с помощью уменьшительно-ласкательного аффикса *-хан/-хэн/-хон* от слова *бороон* «дождь» образовано *бороохон* «дождик, дождичек». Продуктивен способ номинативной деривации, когда образуется составное сложное слово на основе словосочетаний из имеющихся в языке слов. Уменьшительные лексемы от прилагательных *заа* и *жэжэ* «маленький, мелкий» и наречие *бага сага* «немного, слегка, изредка» придают значение незначительной интенсивности: *заахан хура* «дождик», *жэжээн бороо* «мелкий дождичек», *шэбэжээнүүр жэжээн бороо* «мелкий моросающий дождик», *бага сага шэбэжээн бороо* «изморось». В языке зафиксированы еще несколько словарных статей, образованных данным способом: *шэдэрээ бороо* «изморось», *шэбэрээ* диал. «моросающий» (*зөөлэн шэбэрээ бороо* «моросающий дождь, морось», *хүйтэн шэбэрээ бороо* «мелкий холодный дождь») от глаголов *шэдэр* «моросить; крапать, накрапывать», *шэбэр* бич. «моросить мелкими каплями (о дожде); накрапывать», *хэһэ бороо* «редкий дождь».

Интересны примеры метафоризации значения в результате переноса свойств на основании сходства основного признака: *хабинаа бороо* «мелкий дождь» от *хабина* «шептать, шушукаться; моросить (о дожде)», *хабинаан* «шепот, бормотание»; *шэбэжүүр* перен. «мелкий, моросающий (дождь)» от значения «шептун» > *шэбэжэ* «шептать». В следующем примере данной номинативной группы *һэбэр хабархан бороо* «небольшой дождик» ключевым является основа *һэб*, которая в сочетании *һэб-һаб*, *һэб-һэб*, представляет образ легкого ветерка, его дуновение, и где *һэбэр* «легкий (о ветре); небольшой (о дожде)» уже сочетается с созвучным, с уменьшительным оттенком словом *хабар*. Другой интересный пример образного иносказания соотносится с *гуран* «гуран, дикий козел, самец косули» и *шээрэн* «склонный к недержанию мочи», сочетание которых представляет сходство анатомической особенности с мелким дождиком: *гуран шээрэн* (букв. «марал с частым мочеиспусканием») [4, с. 116] перен. «мелкий моросающий дождь», *гуран шээрэншүү жэжээн бороо* «мелкий-мелкий продолжительно моросающий дождь».

Следующий признак длительности летнего атмосферного осадка в бурятском языке также имеет несколько номинаций. Это *үһээ* «затяжной дождь», *үһээрэлэ* «затяжной дождь, ненастье (летнее)». Иногда сочетание *үһээ бороо* помимо значения «продолжительный (или затяжной) дождь» выражает еще интенсивность и силу в значении «проливной дождь». В двусловных атрибутивных словосочетаниях, где второй компонент *бороо* с общим значением, характеризуют затяжной характер дождя такие прилагательные как *нобио* «нудный, нерасторопный», *удаан* «медлительный; затяжной, длительный, продолжительный; долгий», *хуунги* / *хуумга* «осевший / сидячий, малоподвижный» (или *хуужа ороһон*): *удаан бороо*, *нобио бороон*, *хуунги (хуумга, хуужа ороһон) бороон*. В примере *хүхэ бороо* «сплошной (или затяжной, нудный) дождь» цветовая характеристика дождя *хүхэ* «синий, голубой» выражает продолжительность и силу природного явления. *Орой эхилһэн бороо* «поздно начавшийся дождь» также означает длительный дождь, который будет идти в течение нескольких дней. В бурятских диалектах от общепурятского слова *зада* «ненастье, непогода» длительный непрекращающийся дождь выражен в словосочетании *уһа зада* иволг., *уһа задан* закам. «непогода, затяжное ненастье». Непрерывность и длительность дождя представлены и в сочетании *үргэлжэ бороо* «непрерывный дождь», где *үргэлжэ* «постоянно, непрерывно, всегда; подряд, сплошь; сплошной, непрерывный». Примета *орохо тэнгэри орой соорхой* (говорится, если небо обложено тучами, а в середине «прореха», т.е. чистое небо) также вербализует данный признак концепта и означает длительный, затяжной дождь.

Главным признаком следующей группы названий дождя является его кратковременность. Это *түргэн хура* «кратковременный дождь» (*түргэн* «быстрый, скорый, спешный»), *сагаан аадар* «скоро проходящий ливень» (значение *сагаан* «белый» указывает на тот факт, что данный вид дождя идет в светлое время суток и при наличии солнца на небе), *үглөөнэй бороо* «утренний дождь» (по народным приметам быстро проходит, и потому данное сочетание является синонимом кратковременного дождя), *шэдэлһэн бороо* «косой скоропроходящий дождь».

Другая видовая группа содержит в своей семантике признак комфортности и кодируется тактильным образом тепла, теплой воды в солнечную погоду. Значения определений в сочетании с *бороо* содержат данный признак: *дулаан* «теплый; ласковый, приятный», *наратай* «солнечный, освещенный солнцем», *намжаа* «просторный, обширный; благодатный, приятный, ласкающий», *сагаан* «белый», *хархягай ургаха* «такой, при котором грибы будут расти» (*дулаан бороо*, *наратай бороо* «грибной дождь», *намжаа бороо* «приятный тёплый дождь», *сагаан бороо* «слепой дождь», *хархягай ургаха бороон* «грибной дождь (тёплый)»). Определенная степень комфортности, скорее ожидаемой необходимости заложена в сочетании *тоһон бороо* (букв. масляный дождь) «благодатный дождь» – дождь, идущий в нужное время, который сравнивается с маслом, являющийся ценным продуктом у бурят, для отражения высшего качества того, что выражено определяемым. В бурятской литературе также применяется фразеологический оборот *загаһанай бороо* «рыбный дождь (тёплый и мелкий при полном штиле, когда рыба хорошо ловится)».

Выявлены и другие виды дождя, не богатые по числу синонимов: дожди определенного времени года, суток (*зунай бороо*

«летний дождь», *намарай бороо* «осенний дождь», *•гл•нэй бороо* «утренний дождь»), имеющие форму и направление (*б•лэг бороо* «дождь полосой» от *б•лэг* «раздел, отдел, глава; группа, кучка», *алаглажа оро* «идти полосами (о дожде)», *шэдэлхэн бороо* «косой скоропроходящий дождь»).

Дождливая ненастная погода в бурятском языке представлена конверсивными существительными – *убһаг* «ненастье, непогода; промозглый, сырой, дождливый (о погоде)», *хагсуу* «ненастье; непогода; ненастный» (*хагсуу бороотой үдэр* «ненастный день с дождём»); производными от основ *бороо*, *хура*, *аадар*, *үһэз* прилагательными – *бороорхуу*, *хураархуу* «дождливый» (*бороорхуу тэнгэри* «дождливая погода», *бороорхуу үдэрнүүд байна* «стоят дождливые дни», *хураархуу / хуралхаг намар* «дождливая осень»), *бороотой*, *хуратай(й)* «дождливый» (*бороотой үдэр* «дождливая погода», *хура бороотой уларил* «дождливый сезон, сезон дождей», *хагсуу бороотой* «ненастный», *аадар бороото* «ливневый, с ливнями; грозовой, с грозами», *хуратай газар* «местность, где выпадает много дождей»), *аадарай* «ливневый, грозовой» (*аадарай үлэн* «грозовая туча», *дуутай (или залинта) аадарай* «грозовой», *дуутай (или залинта) аадарта* «грозовой, с грозами»), *үһээтэй* «дождливый», а также другими атрибутивными сочетаниями – *бороо нойто-той үдэрнүүд* «ненастные дни», *шииг нойто элбэгтэй үдэрнүүд* «дождливые дни».

В описаниях атмосферного явления дождь широко используются и глагольные формы. Процесс самого действия выражается сочетанием *бороо ороно* «дождь идет» от *оро* «входить, въезжать, заходить, заезжать; идти (об атмосферных осадках)». Основная семантика данного процесса с некоторыми особенностями в зависимости от вида дождя отражена и в других синонимичных глаголах: *аадарла* «идти, лить (о проливном дожде)», *адхар* «литься, проливаться, течь», *бороото* «идти (о дожде), дождить», *мүндэрлэ* «идти, падать (о граде)», *үһээр* «идти (о затяжном дожде); дождить» (*тэнгэри үһээрээд байна* «идёт затяжной дождь; стоит ненастье»), *хуужа оро* «идти длительное время (о дожде)» от *хуу* «сидеться; сидеть; застревать» (*бороо хуужа ороо* «дождь зарядил»), *шэдэ* «косо идти (о дожде)» от основного значения «бросать, кидать, швырять; метать» (*бороо шэдэжэ ороно* «идёт косой дождь»), *алаглажа оро* «идти полосами (о дожде)» от *алагла* «испещрять, делать что-л. полосатым (или пёстрым)», *тооһор* «подниматься, клубиться (о пыли); говорится также, когда вдали идёт дождь или снег».

Но больше всего в бурятском языке глагольных сочетаний и синонимов, описывающих процесс данного атмосферного явления, со значением «моросить, капывать»: *бороожо* «моросить; часто идти (о дожде), дождить», *хура бударжа байна* «дождь моросит» от *будар* «выпадать, идти (об осадках)», *хабина* «моросить (о дожде)» от основного значения «шептать-ся, шушукаться», *хабир* «стекать каплями, течь струйками» (*хабиржа оро* «моросить (о дожде)»), *шэбэр* бич. (см. *шэдэр*) «моросить мелкими каплями (о дожде); капывать» (*бороо шэбэрэн орожо байна* «дождь моросит»), *шэдэгэз* побудит. от *шэдэр* «моросить» (*бороо шэдэгэзэнэ* «моросит дождь»), *шэдэр* «моросить; капать, капывать» (*хура бороо шэдэржэ ороно* «дождь всё моросит»).

В следующих примерах мы наблюдаем наличие семантического уточнения звукового образа данного процесса. Это можно наблюдать и в некоторых примерах со значением «моросить» (*хабина*, *хабир*, *шэбэр*, *шэдэр*). Шум дождя репрезентируется в языке с помощью определенных фонем в корневой морфеме глаголов, выполняющих смыслообразительную функцию, а также наречий в сочетании с глагольными формами. Например, *бороо шааяжа байна* «идёт-шумит дождь» от *шаая* «шуметь (только о воде)», *шабжагана* «дробно стучать (напр., о дожде); тараторить», *шурхир* «течь с шумом (о реке); идти с шумом (о дожде)», *шэрбэ* «подхлёстывать, хлестать (напр., кнутом); капывать, барабанить (о дожде)», *абар-табар оро* «накапывать» (*абар-табар бороо дунаба* «дождик прошёл кое-где») от *абар-табар* «там и сям, местами; кое-где, редко, немного», *об-тоб боло* «накапывать (о дожде)» (*об-тоб бороо ороо* «кое-где покрал дождь») от *об-тоб* «там-сям, кое-где, местами», *дүнээр-дүнээр оро* «с гулом, гулко (напр., о дожде)», *бороо шэбэр хабир ороно* «моросит (дождь)» от *шэбэр хабир*, *хабир шэбэр* парн. «шёпотом; украдкой, тайком».

Обозначение звука дождя зафиксировано в словаре словосочетаниями *бороогой хунхинөөн* «шум дождя» (> *хунхинөөн* «гудение, гул, грохот; звон») и *бороогой жэгдэ хабинаан* «монотонные звуки дождя» (> *хабинаан* «шёпот, бормотание»).

Начало и прекращение дождя представлено глаголами-конкретизаторами с соответствующей семантикой, такими как *ханаха* в значении намерения совершить какое-л. действие (*бороо орохоёо ханажа байна* «надвигается дождь»), *эхилхэ* «начинать; начинаться» (*бороо эхилжэ байна* «дождь начинается»), *дулалха* «капать, падать каплями; накапывать» (*бороо дулалжа эхилбэ* «закапал (о дожде), дождь каплет»), *забдаха* «собираться, готовиться, приготавливаться; удосуживаться; успевать» (*бороо орохоёо забдажа байна* «надвигается дождь»); *арилха* «чи-ститься, очищаться; проясняться; переставать (о дожде)», *залирха* «прекращаться, приостанавливаться; утихать (о боли)» (*бороо залиржа байна* «дождь перестаёт»), *намдаха* «успокаиваться, утихать; смягчаться» (*бороо намдажа байна* «дождь перестаёт»), *сайраха* «прекращаться (о дожде)», *сэлмэхэ* «переставать (о дожде), тогтохо «устанавливаться, образовываться; утверждаться; останавливаться, переставать, прекращаться» (*хура тогтобо* «дождь на время перестал»), *тэнгэри онгойхо* «прекращаться (о дожде); очищаться от туч», *үнгэрхэ* «проходить (мимо), миновать; протекать, истекать (о времени)» (*бороон үнгэрү* «дождь перестал, дождь прошёл»), *хариха* «уезжать обратно, возвращаться; прекращаться, переставать (об осадках)» (*аадар харья* «ливень прекратился»). Как видно из примеров, в данных синонимичных словосочетаниях с существительными *бороо*, *хура*, *аадар* в большинстве своем передается действие завершения процесса выпадения осадка, выраженное соответствующими глаголами согласно его характеру, и которые, в основном, отражают постепенный характер прекращения дождя.

Другая группа глаголов, относящихся к концепту дождь, выражает зависимость физического состояния и самочувствия от дождливой погоды. Например, *бороорхо*-, *бороолхо*- тунк. «чувствовать недомогание, испытывать ревматические боли (перед дождём)», *зүдэр* «изнуряться, изматываться, изнемогать; истощаться в сочетании хура бороодо зүдэрхэ «утомляться от дождей», *хагсуурха* «страдать от плохой погоды», *борооһоо хагсуурхаха* «страдать от дождя; предчувствовать плохую погоду (напр., при ревматизме)», *бороодо шэрбэдэхэ* «мёрзнуть, конеч-ть в (сильный) дождь (о домашних животных)». Сюда можно отнести и ряд близких значений, демонстрирующих зависимость от дождя, от таких погодных условий, когда многие хозяйственные, бытовые и другие действия невозможны: *бороо оруулха* «пережидать дождь; фольк. низводить (букв. заставляя идти) дождь», *бороо үнгэрэхэ* «переждать дождь», *бороондо хаатаха* «задержаться из-за дождя». Следствие дождя также находит свое отражение в словарных статьях: *толорон үнгэтэхэ* «сверкать чистой (после дождя)», *хурысаха* тунк. «полегать от дождя», *һэргэхэ* «ободряться, встраиваться; воспрянуть; оживать после дождя (напр., бороогой хүлээр ногоон һэргэбэ «после дождя оживилась трава») и т.д.

Согласно результатам анализа словарных статей в составе образного компонента доминируют визуальный и слуховой образы, менее выражены цветовой и тактильный образы. Преобладающими лексемами являются те, что описывают затяжной нудный и моросящий характер дождя. Метеоним описывается в языке с помощью отдельных лексем, его свойства и характеристики представлены определительными и глагольными сочетаниями. В заключении необходимо отметить, что анализ лишь одного концепта дождь из всей метеорологической лексики, который достаточно богато представлен в словаре бурятского языка, демонстрирует нам не простое его содержание. При дальнейшем исследовании рассмотренной лексико-семантической группы (отражение концепта в народных приметах, вербализация в эпических текстах (место данного атмосферного явления в небесном пантеоне) и в произведениях бурятских поэтов и писателей) изучение концепта позволит высветить более точно семантику, валентность и когнитивное содержание лексем.

Список сокращений

Говоры бурятского языка:
бич. – бичурский говор
иволг. – иволгинский говор
закам. – закаменский говор
тунк. – тункинский говор
Условные сокращения:
букв. – буквальный
диал. – диалектный
напр. – например
парн. – парный

перен. — переносный
см. — смотри
фольк. — фольклорный

Условные обозначения
< дало..., развилось в...
> взято из..., заимствовано из..., развилось из...

Библиографический список

1. Красовская, Н.В. Некоторые особенности образного содержания концепта «дождь» в латиноамериканской художественной литературе // Известия Саратовского университета. — 2009. — Т. 9. — Сер. Социология. Политология.
2. Бурятско-русский словарь. — Улан-Удэ, 2006. — Т. 1.
3. Бурятско-русский словарь. — Улан-Удэ, 2008. — Т. 2.
4. Бальжинимаева, Ц.Ц. Лексика, связанная с наблюдением за погодой у бурят-кочевников // История развития бурятского языка. — Улан-Удэ, 2006.

Bibliography

1. Krasovskaya, N.V. Nekotoriye osobennosti obraznogo sodержaniya koncepta «dozhdj» v latinoamerikanskoj khudozhestvennoj literature / Izvestiya Saratovskogo universiteta. — 2009. — T. 9. — Ser. Sociologiya. Politologiya.
2. Buryatsko-russkiy slovarj. — Ulan-Udeh, 2006. — T. 1.
3. Buryatsko-russkiy slovarj. — Ulan-Udeh, 2008. — T. 2.
4. Baljzhinimaeva, C.C. Leksika, svyazannaya s nablyudeniem za pogodoj u buryat-kochevnikov // Istoriya razvitiya buryatskogo yazihka. — Ulan-Udeh, 2006.

Статья поступила в редакцию 17.05.13

УДК 81-13

Dzhura A.A. TYPE OF TEXT AS A COMMUNICATIVE CHARACTERISTIC (PHILOSOPHIC TEXT AS A TYPE).

One of the key characteristics of the text is its type. Type of text is the dynamic characteristic, which is due to the communicative and discursive circumstances. Type of text is a characteristic of the text, indicating that it belongs to a particular set of texts. Type of text affects the existence of a text as the impact on realization of the potential of this text in communication. The text can have a complicated typological structure - to belong to several types of texts. Philosophical text is part of a specific set of texts, it is connected to it by a philosophical problem, philosophical category (that present in it), and connection with philosophical tradition.

Key words: type of text, philosophical text, communication, discourse.

А.П. Джюра, аспирант Горно-Алтайского гос. университета, г. Барнаул, E-mail: alexey.dzhura@icloud.com

ТИП ТЕКСТА КАК КОММУНИКАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА (ФИЛОСОФСКИЙ ТЕКСТ КАК ТИП)

В статье раскрывается одна из ключевых характеристик текста, указывающая на принадлежность текста к той или иной текстовой совокупности — тип текста. Выявлено, что тип текста является динамической характеристикой, которая обусловлена коммуникативными и дискурсивными обстоятельствами. Тип текста влияет на бытие текста, поскольку влияет на реализацию потенциала данного текста в коммуникации. Текст может иметь сложную типологическую структуру — принадлежать сразу нескольким типам текстов. Философский текст является частью определенной текстовой совокупности и связан с ней посредством философской проблемы, философской категории (присутствующих в нём) и связи с философской традицией.

Ключевые слова: тип текста, философский текст, коммуникация, дискурс.

Проблему, которой посвящена данная статья, можно сформулировать в самом общем виде как вопрос о том, в чём состоит метод идентификации философского текста, что может позволить вычлени его среди прочих, и каковы лингвистические основания, которые необходимо подвести под этот процесс. Данная проблема непосредственно связана с проблемой типологии текстов. По мнению К. Гаузенблаза, «...в лингвистике нет систематической классификации того материала, который дан ей изначально, а именно классификации *речевых произведений* (курсив авт. — Д.А.) [1, с. 57]. Для решения поставленной задачи выбрана коммуникативная парадигма лингвистического исследования текста. «В структуре современной филологии на правах ее междисциплинарного ядра существует филологическая теория коммуникации. Ее задачей является изучение коммуникативной деятельности человека посредством текста» [2, с. 88]. Именно представление о коммуникативной сущности текста, как одна из основных идей филологической теории коммуникации, является тем базисом, на котором может быть построена теория типологии текстов.

При разработке такого метода мы опираемся на следующий ряд суждений:

1. Существование некоего круга текстов, именуемых философскими, позволяет предположить наличие у этих текстов общих черт, которые дают возможность отнести тот или иной

из них либо к философским, либо к нефилософским. Эти черты (или «маркеры», в данном контексте означает, что они несут функцию указания на принадлежность текста к определённому типу, в нашем случае — к философским текстам) не принадлежат имманентно самим текстам, а принадлежат коммуникативной среде, в которой они находятся. Иными словами, философский текст — общее понятие для большого числа разновидностей текстов, в синтаксической, стилистической, грамматической структуре которых нет никаких определенных элементов, на основании которых их можно было бы однозначно объединить, а также вычлени признаки таких текстов, присущие каждому из них. Это значит, что текст как материальный объект не имеет в своей структуре специфических признаков, указывающих на его принадлежность к тому или иному типу текстов. Абсолютных признаков философского текста на уровне типологической атрибуции не существует, в связи с этим нами утверждается коммуникативный и шире — дискурсивный характер данных признаков.

Проблема определения философского текста восходит к проблеме самоидентификации философии: на протяжении истории философии выдвигались различные варианты понимания философии, и однозначного ответа на этот вопрос до сих пор не существует. По словам А.С. Нилогова, «...только совсем недавно философия, и, как ни странно, в связи с постмодернизмом,

пытается подать свой голос независимо от науки и религии. И тут обнаруживается её литературный характер» [3, с. 9]. Поскольку сущность философии является открытым вопросом, понимание философского текста также различается в зависимости от исторических, коммуникативных и иных обстоятельств, в которых текст обретает своё бытие.

2. Текст есть определённого рода целостность, обладающая особенностями различного порядка, в том числе – дискурсивными и коммуникативными, которые обуславливают процесс типологизации текста, а также обстоятельства реализации потенциала текста в коммуникативной действительности. На основании анализа специфики данных свойств, как мы предполагаем, представляется возможным определить, принадлежит тот или иной текст к философским или нет. Таким образом, данные свойства являются для нас аналитическим материалом.

3. Обретая бытие в коммуникации, философский текст может функционировать как художественный, научный, эзотерический или какой-либо другой. Например, возможны ситуации философского прочтения текста «Евгения Онегина», что, тем не менее, не лишает его статуса художественного произведения, следовательно, в такой градации данный текст мог бы иметь место, хотя и находясь ближе к текстам нефилософским; помимо этого, сами философы нередко говорят о философском или нефилософском характере того или иного текста, например, тексты Р. Барта признавались нефилософскими, предлагалось считать их художественными, литературоведческими или культурологическими, хотя его работы, тем не менее, обсуждаются философами и активно используются при создании новых текстов. Это означает, что текст, находящийся в сфере художественной, научной, эзотерической или какой-либо другой коммуникации, будет попросту отсутствовать для философской коммуникации. Данное обстоятельство может иметь целый комплекс причин, среди которых одним из важнейших является специфическая сложность бытия текста в коммуникации.

4. Большинство текстов, как правило, принадлежит сразу нескольким сферам коммуникации, что влияет на возможность определения типа текста. Мы полагаем, что разработка проблемы типологии текстов может дать значимые результаты, несмотря на то, что, на первый взгляд, никакого устойчивого типа текста не существует, а существует лишь изменчивое бытие, которое формирует характеристику, меняющуюся вместе с обстоятельствами жизни текста. В этом отношении очень важно запечатлеть бытие текста, проанализировать принципы изменения в типологической структуре текста, увидеть, что влияет на этот процесс и что его обуславливает. С другой стороны, не всякий текст может быть назван философским или, к примеру, художественным, при определении текста в данном отношении обычно руководствуются некими представлениями, находящимися в поле самопонятности и интуитивной данности, и экспликация принципов, с помощью которых такая самопонятность обретается воспринимающим текст субъектом, и есть главнейшая цель настоящего исследования.

На понятии типа текста мы остановимся отдельно, чтобы прояснить его смысл в контексте данных рассуждений.

Библиографический список

1. Гаузенблэз, К. О характеристике и классификации речевых произведений // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. – 1978. – Вып. 8.
2. Чувакин, А.А. Теория текста: объект и предмет исследования // Критика и семиотика. – Барнаул, 2004. – Вып. 7.
3. Нилогов, А.С. Что такое современная русская философия? // Кто сегодня делает философию в России. – М., 2007. – Т. 1.
4. Успенский, П.Д. Четвёртый путь. – М., 2001.

Bibliography

1. Gauzenblaz, K. O kharakteristike i klassifikacii rechevikh proizvedenij // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Lingvistika teksta. – 1978. – Vihp. 8.
2. Chuvakin, A.A. Teoriya teksta: objekt i predmet issledovaniya // Kritika i semiotika. – Barnaul, 2004. – Vihp. 7.
3. Nilogov, A.S. Chto takoe sovremennaya russkaya filosofiya? // Kto segodnya delaet filosofiyu v Rossii. – M., 2007. – T. 1.
4. Uspenskiy, P.D. Chetvertiy putj. – M., 2001.

Тип текста – это характеристика текста, указывающая на его принадлежность к той или иной текстовой совокупности. Важно, что тип текста обуславливается взаимодействием его с другими текстами, тип текста проявляется в отношении. Итак, тип текста – относительная характеристика. Помимо этого, поскольку взаимодействие между текстами происходит постоянно, непрерывно образуются новые связи, прерываются старые, а отдельно взятый текст может функционировать в различных областях коммуникации, тип текста является динамической характеристикой.

Текст обретает бытие в коммуникации, и именно в пространстве коммуникации текст обретает характеристику типа, к которому он принадлежит. Это положение имеет два интересных следствия. 1. Текст может иметь сложную типологическую структуру – принадлежать сразу нескольким типам текстов. 2. Культурный и интерпретативный потенциал текста может быть обеднен (если «намерение текста», транслирующее его качественные характеристики, интерпретировано таким образом, что текст оказывается неспособен в данной коммуникативной ситуации реализовать свой потенциал).

Функционирование текста в коммуникации обуславливает то, каким образом он интерпретируется и то, насколько его потенциал реализуется и находит отклик в культуре.

К примеру, текст П.Д. Успенского «Четвёртый путь» [4] обладает рядом признаков философского текста, среди которых – философская проблема, стоящая в центре исследования, философские категории, используемые в тексте, а также связь с философской традицией. При переводе текста с языка оригинала (английский язык) на русский текст, вследствие действия различных факторов коммуникации и дискурсивных факторов, текст, обладающий большим философским потенциалом, начал рассматриваться как сугубо эзотерический, что определило на многие годы специфику восприятия данного текста в российской культуре. Таким образом, текст «Четвёртый путь», погруженный в коммуникацию, обрел бытие в качестве эзотерического текста, несмотря на его большой философский потенциал.

Итак, в данной статье мы описали базовые методологические принципы идентификации философского текста. На основании данных рассуждений мы пришли к следующим выводам:

1. Тип текста является динамической характеристикой и напрямую связан с коммуникативными и дискурсивными обстоятельствами бытия текста.

2. Философский текст является частью определенной текстовой совокупности и связан с ней посредством философской проблемы, философской категории (присутствующих в нём) и связи с философской традицией. Не каждый текст может быть идентифицирован как философский.

3. Текст П.Д. Успенского «Четвёртый путь» обладает философским потенциалом, но функционирует в русской культуре как эзотерический текст, благодаря действию коммуникативных и дискурсивных обстоятельств. Следовательно, характеристика типа текста является коммуникативной, в то время как содержательная структура текста может указывать на наличие в тексте потенциала, который не раскрыт в коммуникации и культуре.

Статья поступила в редакцию 20.05.13